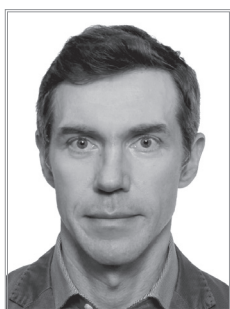

ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ОСНОВА СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ПРАВОВОГО МНОГООБРАЗИЯ МИРА

Дмитрий Полдников*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-1-74-31-39

Введение. Идеологическое противостояние России с «коллективным Западом» и «поворот на Восток» предполагают не только укрепление традиционных ценностей собственной правовой системы, но и сравнительное изучение устойчивого многообразия права стран Востока. Это актуализирует не только проведение специальных исследований отдельных юрисдикций, но и рефлексию о самом предмете познания через призму многополярного мира.

Материалы и методы. Указанная проблема предполагает обращение к актуальной отечественной и зарубежной научной литературе по методологии синхронного и диахронного сравнения, а также ее критический анализ с помощью инструментария интеллектуальной и глобальной истории.

Результаты исследования. Основным предметом изучения устойчивого правового многообразия «незападных» правовых систем, по мнению автора, должны стать не право, правовая культура или цивилизация, а традиция в смысле аналитической модели из следующих компонентов: 1) носители традиции, 2) формы права, основы его понимания, толкования, применения, 3) характерные институты по важнейшим сферам правового регулирования.

Обсуждение и заключение. Указанная модель правовой традиции делает возможным диахронное сравнение зарубежного права, объяснение и классификацию его разнообразия с опорой на идеальные исторические типы права. Это открывает перспективу более тесного взаимодействия всеобщей истории права и сравнительного правоведения.

Введение

Государственная политика России по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей и утверждение страны в качестве самобытного государства-цивилизации в сочетании с «поворотом на Восток», отказом от европоцентризма в пользу многополярности значительно

повышают значимость страноведения как комплексной науки.

Согласно популярному у «зарубежников» высказыванию признанного специалиста по политической социологии профессора Сеймура Липсета, кто знает лишь одну страну, не знает ни одной, ибо все (или почти все) познается в сравнении. Путь к познанию чужой страны, несомненно, пролегает

* Полдников Дмитрий Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ
e-mail: d.poldnikov@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-2872-4540

через изучение ее права, ибо именно право в концентрированной форме признает, охраняет и защищает основные духовно-нравственные и материальные ценности, важные для сохранения и благополучия общества в целом и его членов. Главная «страноведческая» научная дисциплина юристов – сравнительное правоведение – за свою более чем вековую современную историю (начиная с Парижского конгресса западных компаративистов 1900 г.) создала богатый арсенал методов изучения правовых систем в целом и отдельных институтов по отраслям права, что позволило выявить *устойчивое многообразие и сложность правовой организации обществ* на локальном, национальном и наднациональном уровнях [7. С. 9]. Однако постижение и объяснение причин данного многообразия остается одной из сложных проблем, в решении которой синхронное изучение правовых систем современности неизбежно предполагает обращение к диахронному сравнению их исторической траектории.

Исследование

Проблема устойчивого многообразия права

Даже обзорное представление юридической карты мира дает весьма пеструю картину правовых систем: западных (романо-германских и общего права), смешанных (с элементами западного и местного происхождения), религиозно-традиционных, а также переходных и «кочующих». Предрекаемая западными компаративистами второй половины XX в. унификация права по западным моделям до сих пор ограничена весьма узкой сферой международной торговли, интеллектуальной собственности, арбитража, коллизионных норм. И даже здесь она оказалась обратимой в условиях «торговых войн» и санкционной политики «коллективного Запада».

Цифровизация права также не сулит полного устранения различий между правовыми системами, поскольку подразумевает обработку с помощью нейросетей текстов позитивного права и судебной практики. Большие языковые модели хотя и могут способствовать распространению смешанных правовых систем с элементами западного

права, но, скорее всего, не устранят полностью национальные особенности. Лучшее подтверждение тому – внедрение цифровых технологий в правовую систему КНР, благодаря чему она заимствует лучшие институты романо-германского и англо-американского права и приобретает черты смешанной, но не утрачивает китайскую специфику на уровне как правовой идеологии, так и юридической техники. Это признают даже явные энтузиасты цифровой трансформации¹.

Таким образом, перед правововедами-компаративистами по-прежнему остро стоит проблема понимания и объяснения устойчивого многообразия. Ее решение, разумеется, требует комплексного подхода, но в любом случае, немыслимо без обращения к истории правовых систем и их диахронного сравнения на макро- и микроуровне. В этом правоведы-компаративисты полагаются на историков права, выявляющих в малопонятных современному юристу правовых памятниках зависимость права от прошлого, «эффект колеи», консервативность правовой идеологии и юридической техники.

Так, специфику и основное разделение современного западного права на континентальное и общее следует искать в рецепции римско-канонического права и в рассмотрении тяжб первыми королевскими судами Англии с конца XII в., даже если их современный стиль сложился лишь в XIX веке [20. С. 54]. В большинстве мусульманских стран заимствованные на Западе в XIX веке правовые институты и приемы юридической техники адаптируются в контексте восходящих к священному тексту Корана самобытных принципов шариата, как на стадии законоотворчества, так и на стадиях толкования и правоприменения. Причем тенденция исламизации права все более четко прослеживается с последней трети XX в. [14. С. 115]. Наконец, смешение западного права с туземным во многих правовых системах стран «глобального Юга» объяснимо только с учетом наследия колониальных империй «долгого XIX в.», созданных в том числе посредством правовой экспансии метрополий на подконтрольных им заморских территориях.

¹ См., например, доклад руководителя Центра сравнительного государственного управления ИКСА РАН С.М. Шахрая. URL <https://www.iccaras.ru/news/sergej-shahraj-vystupil-na-zasedanii-smu-iksa-ran.html> (дата обращения – 30.01.2025 г.)

Недостаточность формационного подхода.

Историко-правовой науке известны два главных подхода к объяснению генезиса и развития права – материалистический и цивилизационный (культурологический). Первый получил в отечественной науке название *формационного* и представляет собой способ монистической интерпретации истории с позиции противоречия производительных сил и производственных отношений в рамках марксистской теории общественно-экономических формаций [15. С. 519]. Данный подход не исчерпал свой эвристический потенциал и имеет своих сторонников среди историков (Ю.К. Плетников, Ю.И. Семенов) и историков права (Т.Е. Новицкая). Но его в значительной мере дискредитировала упрощенная догматическая трактовка в СССР.

Официальная советская наука редуцировала многообразие исторического процесса к поступательной смене пяти общественно-экономических формаций на пути от первобытной к коммунистической, а в основу периодизации положила формы собственности. Специфика всех сфер жизни общества объяснялась экономическими и классовыми отношениями (классовой борьбой). Недостатки данного подхода известны. Среди них и абсолютизация роли производственных («базисных») отношений в ущерб культурным («надстроечным») явлениям, и имплицитный европоцентризм всемирной истории, и упрощенное, даже искаженное представление о развитии традиционных обществ Азии и Африки. Специальные исследования доказали, что азиатские общества древности и средневековья некорректно называть ни рабовладельческими, ни феодальными ввиду их специфических «азиатских» черт. Общественный строй здесь отражал многоукладный характер экономики, наличие связанных между собой, но относительно обособленных производственных комплексов царского, храмового, общинного хозяйства, принадлежность к которым во многом определяла правовой статус жителей, степень их свободы. Академические перспективы данного подхода не очевидны ввиду поворота современной исторической науки к многофакторным

(плюралистическим) моделям объяснения истории, а также политического запроса на укрепление национальной идентичности, культурной самобытности.

Цивилизационный подход как альтернатива

Государственная политика в области укрепления духовно-нравственных ценностей формирует заказ на *цивилизационный подход*. В его основе изучение цивилизации как высшей стадии (состояния) развития человеческого общества, которое (по сравнению со стадией варварства, согласно Л. Моргану и Ф. Энгельсу) выделилось из природы, провело разделение труда, создало города, публичные и правовые институты, изобрело письменность и религию. Изучение специфики указанных признаков позволило Н.Я. Данилевскому, О. Шпенглеру, А.Дж. Тойнби и другим выделить особые *культурно-исторические общности* (локальные цивилизации), отличающиеся единством духовно-нравственных ценностей, языка, экономического, политического и правового строя [15. С. 535].

Очевидно, цивилизационный подход к осмыслению устойчивого многообразия обществ в мировой истории в большей степени соответствует политическому запросу на современном этапе геополитического противостояния «коллективного Запада» и стран «глобального Юга». Именно культурные, духовно-нравственные ценности оказываются в центре внимания политиков, оформляющих «социальный заказ» ученым. Например, в программной речи 3 марта 2021 г. о приоритетах внешней политики США Государственный секретарь Э. Блинкен объяснил необходимость взаимодействовать с КНР с позиции силы тем, что данное государство распространяет «принципиально иную систему ценностей, не совместимую с (северо)-американскими демократическими традициями и образом жизни»².

Подобные примеры идеологического империализма, помимо прочего, стимулируют рост национального самосознания и сотрудничества незападных стран. Именно в таком ключе следует трактовать позицию глав государств-участников БРИКС о том, что БРИКС – это объединение

² См. Блинкен Э. Внешняя политика для американского народа // URL: <https://www.state.gov/a-foreign-policy-for-the-american-people/> (дата обращения – 30.01.2025 г.)

не антизападных, а незападных стран³. В Республике Индии (Бхарат) в XXI в. выражением обновленной национальной идентичности следует считать идеологию индийского национализма (*хиндута*) правящей партии «Бхаратия джаната». Высказывания Председателя КНР Си Цзиньпина о стержневых ценностях современного Китая также ясно указывают: государственная социалистическая идеология не исключает высокой оценки и опоры на опыт китайской цивилизации, что в значительной мере определяет специфику построения правового государства и его правовой системы [4. С. 74].

В ответ на политический заказ ученые вводят в научный оборот понятийно-категориальный аппарат, присущий цивилизационному подходу. Например, специалист по юридической лингвистике Чжан Фалянь объясняет трудности перевода китайских и английских юридических текстов разницей юридической культуры (ценностей) [16. С. 329], а историк права Чжан Цзинфань представляет становление современного Китая как развитие китайской правовой цивилизации [23.]. Политолог из Университета Фудань (Шанхай, КНР) Чжан Вэйвэй в начале XXI в. ввел в научный оборот для описания Китая понятие «государство-цивилизация» (цивилизационное государство, *вэньминсин гоцзя*), отличающееся в том числе богатой и длительной культурной традицией, разветвленным аппаратом управления и правовой системой⁴. Согласно исследованиям правоведа-синолога Е.И. Кычанова, китайское право – «самостоятельная оригинальная правовая система, собственная традиционная правовая культура и самобытное правосознание, положившие начало дальневосточной правовой семье. Рецензированное из Китая, право сыграло большую роль в формировании административных и даже социальных структур Кореи, Японии, Вьетнама». [5. С. 402.]

Аналогичные примеры не сложно привести и в современной России. Политический запрос явно сформулирован в политико-правовых документах, определяющих основы внутренней и внешней государственной политики. Так, ценностную основу внутренней политики образуют нравственные ориентиры, формирующие единое мировоззрение граждан и культурное пространство страны на основе длительного культурно-исторического развития⁵. Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. объявляет страну самобытным государством-цивилизацией, которое за свою более чем тысячелетнюю историю обогатилось наследием разных культур Евразии⁶.

Цивилизационный подход привлекателен для правоведов с весьма разным, порой полярным представлением о праве. В частности, известный российский компаративист В.И. Лафитский в своей последней монографии 2021 г. положил в основу сравнения права зарубежных прав не позитивистское понятие «правовая система», а более широкую категорию «миров права», выражающую прежде всего духовную культуру, поскольку «право не существует в вакууме; оно подвергается воздействию множества неправовых явлений, столь же многообразных, как сама жизнь. Без их учета познание права неполноценно» [6. С. 5]. Освещая проблему идентичности правовых систем в докладе на XIV Московской юридической неделе 26 ноября 2024 г., профессор В.Н. Синюков обозначил конфликт эклектизма и самобытности правовой системы современной России, который следует решать путем восстановления российской (евразийской) традиции, коренящейся в ее цивилизационной специфике.

Однако опора на цивилизационный подход сопряжена с рядом сложностей. Среди них – и неопределенность сложного

³ См.: материал ТАСС «Путин заявил, что БРИКС никому себя не противопоставляет» // URL: <https://tass.ru/politika/22159223> (дата обращения – 30.01.2025 г.)

⁴ См. публичную лекцию Чжан Вэйвэй «Китайская модель и ее возможное глобальное значение» в Российской государственной библиотеке 19 июня 2024 г. // URL: <https://youtu.be/q5Wc1J4K2eM?si=YpwWpt5MdlirRAY> (дата обращения – 30.01.2025 г.).

⁵ См. п. 4 Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации от 31 марта 2023 г. №229) // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения – 30.01.2025 г.).

понятия цивилизации в разных сферах научного знания, и присущий ему подтекст шовинизма и ксенофобии, и диалектика эволюции и постоянства стержневых духовно-нравственных ценностей. Едва ли не главная проблема данного подхода – это неразработанность метода и методики его применения, что вынуждает ученого-историка интуитивно выделять культуры, достигшие уровня цивилизации у разных этносов [1. С. 8-9], а ученого-правоведа – значительно расширять предмет исследования в надежде выделить компоненты культурного контекста, которые сформировали или могли сформировать парадигму права прошлого. Возможно, широкие обобщения оправданы в трактатах маститых ученых [8. С. 1], но едва укладываются в стройную схему учебного курса по истории государства и права зарубежных стран [3. С. 20-21].

Опора на правовую традицию

На наш взгляд, в основу цивилизационного подхода к объяснению устойчивого правового многообразия следует положить понятие правовой традиции. Уже в силу своего происхождения (от лат. *trado*, передаю) оно более точно (по сравнению с цивилизацией или культурой) обозначает феномен преемственности в развитии обществ, передачи опыта от поколения к поколению, несмотря на элементы новаторства и революционных (социально-политических, научных, культурно-религиозных) разрывов.

Значимость традиции для государственной политики и правовой системы повышается в условиях столкновения цивилизаций. По словам глубокого знатока русской культуры богослова А.Д. Шмемана, «о прошлом и о традициях говорят обычно больше всего в критические моменты обрыва традиций, в эпохи распутья и разногласия... люди интересуются прошлым потому, что именно восстановление преемства, традиции, органической связи с прошлым они видят или чувствуют эту основу, без которой культура остается повисшей в каком-то искусственном, безвоздушном пространстве» [17. С. 245]. Несомненным поворотом правовой политики к укреплению преемственности стали поправки в Конституцию РФ 2020 г., закрепившие значимость исторической памяти, правопреемство СССР и Российской Федерации (ст. 67.1), а также сохранение традиционных ценностей (на примере семьи, п. «в», ч. 1 ст. 114), на основании чего и принят вышеупомянутый Указ Президента РФ № 809, определяющий понятие и перечень

традиционных духовно-нравственных ценностей и их связь с мировыми религиями (пп. 4-6).

Вместе с тем изучение феномена преемственности или традиции в сравнительной перспективе также сопряжено с рядом сложностей. Пожалуй, две главные среди них – это отсутствие консенсуса в научном сообществе о предмете и методе изучения правовых традиций. Дефиниция правовой традиции затруднительна из-за многогранности феномена преемственности права и идеологической нагруженности посвященных ему исследований, прежде всего в западной науке, где в целом немало сделано для создания теории правовых традиций и сравнительного их изучения [11. С. 42].

В исследованиях западных историков права не удается найти четкого определения правовой традиции. Смысловым ядром ее является эволюция, историческое развитие правовых институтов на основе преемственности [19. С. 15], или же нормативная информация, передаваемая из поколения в поколение» [21. С. 23]. Как правило, речь идет об изучении и сравнении западных традиций. Например, американский правовед Гарольд Берман сумел издать объемную монографию об истоках западной традиции права без четкого определения традиции как таковой [2. С. 25]. Лишь в одной из последних своих статей он широко описал традицию как «чувство преемственности между прошлым и будущим, партнерство поколений, взгляд потомков на предков в поисках вдохновения для движения вперед», или же привычный способ организации общества и права в диалоге с прошлым [18. С. 740]. Дж. Мерриман для целей сравнения права предложил более полное определение традиции: это «совокупность глубоко укоренившихся, исторически обусловленных взглядов на природу права, его роль в обществе и государстве, на надлежащую организацию и функционирование правовой системы, а также на то, как право формируется или должно формироваться, применяться, изучаться, совершенствоваться и преподаваться» [22. С. 2].

На отсутствие конвенционального определения традиции в современной отечественной правовой науке указывает палитра мнений участников тематической конференции в РУДН в 2014 г. Отметив многозначность, нечеткость и малоизученность понятия традиции, Г.И. Муромцев счел возможным использовать его в науке и образовании для выражения зависимости права от прошлого, формирование устойчивого стиля

правовой системы, социокультурную линию ее развития. М.В. Немыгина назвала традицию одним из проявлений правовой культуры, а значит, части надбиологической программы деятельности человека. В.П. Малахов поставил проблему изучения традиций как компонента механизмов действия права, разграничив традиции поведения, мотивации, установки в форме обычаев, идеологии и архетипов. А.И. Экимов выдвинул тезис о тождестве правовых традиций и правовых аксиом, или утверждений, для доказательства которых нет исходного материала, как итог длительных наблюдений, обобщений и деятельности человека [12. С. 5, 19, 33, 54].

Приведенные взгляды отечественных и зарубежных ученых в целом сходятся в основных признаках правовой традиции – это устойчивость, стабильность, повторяемость. Благодаря им традиция задает рамки для всех видов юридической деятельности (правотворчества, реализации и применения права, а также его толкования). Традиция выполняет указанную функцию не только в аграрных, но и в индустриальных обществах (под видом стержневых ценностей, приемов юридической техники, конвенций академического сообщества и др.). Но, конечно, механизм преемственности в традиционных и современных обществах не может не различаться и требует особого осмысления.

Не отрицая возможность сущностного определения правовой традиции, считаем целесообразным выделить аналитическую модель правовой традиции, охватывающую такие ключевые компоненты, как: 1) носители традиции – органы власти, правосудия и юридические профессии, 2) парадигма права – формы (источники) и основы его понимания, толкования, применения, 3) характерные институты по ключевым сферам правового регулирования.

Аналитическая модель правовой традиции призвана ограничить *предмет* изучения в рамках цивилизационного подхода, а также решить проблему соизмеримости правовых традиций и *метода* их сравнения, поскольку допускает функциональную трактовку права – с позиции его воздействия на общество, благодаря существованию сообщества носителей традиции, объединенных общим представлением о сути права, его формах, приемах толкования и применения. Последовательное изучение названных компонентов не только позволяет установить ключевые компоненты преемственности в рамках одной правовой системы,

но и открывает возможность для сквозного погружения и сравнения разных правовых традиций, как это предложено в нашем недавно изданном учебнике «Сравнительная история зарубежного права» (М.: Норма, 2024).

Заключение

Правовая традиция позволяет осмыслить зависимость права от прошлого. Однако ее значение для историков права и специалистов по сравнительному правоведению не равнозначно. В историко-правовом исследовании традиция претендует на роль основного предмета, тогда как компаративисты обращаются к прошлому, чтобы объяснить состояние правовых систем современности. Каждое из обращений к правовой традиции порождает свои сложности и заслуживает особого осмысления. Остановимся лишь на основном.

Историк права изначально сталкивается с проблемой концептуальной неопределенности правовой традиции, как и в случае с правовой культурой или цивилизацией. Многогранность понятия затрудняет его дефиницию путем указания на ближайший род и видовые отличия, что подтверждает приведенная дефиниция Дж. Мерримана. Не решает проблемы и выбор в пользу генетического определения, поскольку истоки традиции многообразны, теряются в глубине веков и требуют особого исследования. Абстрактность традиции также исключает возможность определить ее остенсивно. Более продуктивным, особенно в дидактических целях, представляется выявление элементов абстрактного понятия и указание на выполняемую им функцию.

На наш взгляд, элементами правовой традиции следует считать:

- 1) организацию ее носителей, то есть органов власти, правосудия и юридических профессий;
- 2) общие основы в виде форм права и признанных подходов к его пониманию, толкованию, применению и упорядочению (систематизации);
- 3) характерные институты по важнейшим сферам правового регулирования (публичное, частное, уголовное, процессуальное право).

Выделение указанных элементов обусловлено не только актуальной интерпретацией социальной реальности и культуры в виде значений, приписываемых людям, действиям и предметам, но и использованием

правовой традиции в качестве аналитической модели, которая позволяет «разобрать» правовые реалии на «составные части» и сопоставить их, несмотря на разницу культур и цивилизаций. Иными словами, правовая традиция выступает не только предметом историко-правового исследования, но и *методом* изучения, аналогичным правовым

системам или семьям в сравнительном правоведении, а значит, открывает перспективу для сравнительного изучения истории зарубежного права, а также для диалога специалистов по синхронному сравнению правовых систем и диахронному изучению их укорененности в прошлом.

Литература:

1. Алаев Л.Б. Индийская цивилизация: Опыт понимания. М., 2021.
2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
3. Исаев М.А. История государства и права зарубежных стран. Т. 1. М., 2014.
4. Кожухова К.Е. Китайские традиционные ценности как основание внешнеполитического курса Си Цзиньпина // Вестник МЛГУ. общественные науки. 2020. Вып. 3. С. 71-82.
5. Кычанов Е. В. Правовая культура древнего Китая // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 4. М., 2009. С. 386–402.
6. Лафитский В.И. Миры права в теории и практике сравнительного правоведения. В 2 т. М., 2021.
7. Малиновский А.А. Методология сравнительного правоведения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 3 (19). С. 9-24.
8. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2023.
9. Новицкая Т.Е. Некоторые проблемы методологии исследования истории государства и права // Вестник Московского университета. Серия 11 Право. 2003. № 3. С. 75-102.
10. Плетников Ю.К. Формационная и цивилизационная триады // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 104-109.
11. Полдников Д.Ю. Правовая традиция как идеологизированное понятие западной юриспруденции // История государства и права. 2024. № 12. С. 42-48.
12. Правовые традиции. Жидковские чтения: материалы Международной научной конференции / Под ред. Муромцева Г.И., Немытиной М.В. М., 2014.
13. Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003.
14. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. М., 2025.
15. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 2014.
16. Чжан Фалянь. Юридический язык и правовая культура Китая и на Западе: сравнительный анализ / Пер. с кит. Ши Лэй. М., 2021.
17. Шмеман А.Д. Основы русской культуры. Беседы, 1970-1971. М., 2017.
18. Berman H.J. The Western Legal Tradition in a Millennial Perspective: Past and Future // Louisiana Law Review. 2000. No. 60 P. 739-763.
19. Duve Th. Legal traditions: A dialogue between comparative law and comparative legal history // Comparative Legal History, 2018. No. 6:1. P. 15-33.
20. Gambaro A., Sacco R. Le droit de l'Occident et d'ailleurs. Paris, 2011.
21. Glenn H.P. Legal traditions of the world: Sustainable diversity in law. Oxford University Press, USA, 2014.
22. Merryman J.H. The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Western Europe and Latin America. 4 edn. Stanford 2018.
23. Zhang Jinfan. The History of Chinese Legal Civilization. in 2 vols. Cham, 2020.

LEGAL TRADITION AS A BASIS FOR COMPARATIVE STUDY OF THE WORLD'S STABLE LEGAL DIVERSITY

Introduction. The ideological confrontation of Russia with the "collective West" and the "turn to the East" imply the strengthening of traditional values of its own legal system, as well as a comparative study of the sustainable diversity of law in the countries of the East. It calls for specific studies of particular jurisdictions, but also it requires reflection on the very subject of knowledge through the prism of a multipolar world.

Materials and methods. This problem involves turning to current domestic and foreign scientific literature on the methodology of synchronous and diachronic comparison, as well as its critical analysis using the tools of intellectual and global history.

Research results. According to the author, the main subject of studying the sustainable legal diversity of "non-Western" legal systems should not be law, legal culture or civilization, but rather legal

tradition in the sense of an analytical model from the following components: 1) agents of the tradition, 2) forms of law, the basis for its understanding, interpretation, application, 3) typical institutions in the most important areas of legal regulation.

Discussion and significance. The specified model of legal tradition makes it possible to diachronically compare foreign law, explain and classify its diversity based on the ideal types of law in history. This opens up the prospect of cooperation between legal history and comparative law.

Dmitry Yu. Poldnikov,
Doctor of Sciences (Law), professor,
the Department of Legal Theory
and Comparative Law, MGIMO University
and HSE University, Moscow, Russia

Ключевые слова:

предмет диахронного сравнения,
зарубежное право, правовая культура,
правовая традиция, сравнительная история
права.

Keywords:

subject matter of diachronic comparison,
foreign law, legal culture, legal tradition,
comparative legal history.

References:

1. Alaev L.B., 2021. *Indiyskaya tsivilizatsiya: Opyt ponimaniya* [Indian Civilization: An Experience of Understanding]. Moscow.
2. Berman G.Dzh., 1998. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [The Western Legal Tradition: The Epoch of Formation]. Moscow.
3. Isaev M.A., 2014. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of State and Law of Foreign Countries]. Vol. 1. Moscow.
4. Kozhukhova K.E., 2020. *Kitaiskie traditsionnye tsennosti kak osnovanie vneshnepoliticheskogo kursa Si Tsin'pina* [Chinese Traditional Values as the Basis of Xi Jinping's Foreign Policy Course]. *Vestnik MLGU. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. Issue 3. S. 71-82.
5. Kychanov E.V., 2009. *Pravovaya kul'tura drevnego Kitaya* [Legal Culture of Ancient China]. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow, S. 386-402.
6. Lafitskiy V.I., 2021. *Miry prava v teorii i praktike sravnitel'nogo pravovedeniya* [Worlds of Law in Theory and Practice of Comparative Law]. In 2 vols., Moscow.
7. Malinovskiy A.A., 2016. *Metodologiya sravnitel'nogo pravovedeniya* [Methodology of Comparative Law]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina* [Bulletin of the O.E. Kutafin University]. No. 3 (19). S. 9-24.
8. Mal'tsev G.V., 2023. *Kul'turnye traditsii prava* [Cultural Traditions of Law], Moscow.
9. Novitskaya T.E., 2003. *Nekotorye problemy metodologii issledovaniya istorii gosudarstva i prava* [Some Problems of Methodology of Research of the History of State and Law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11 Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series 11 Law]. No. 3. S. 75-102.
10. Pletnikov Yu.K., 1998. *Formatsionnaya i tsivilizatsionnaya triady* [Formational and Civilizational Triads]. *Svobodnaya mysl'* [Free Thought]. No. 3. S. 104-109.
11. Poldnikov D.Yu., 2024. *Pravovaya traditsiya kak ideologizirovannoe ponyatie zapadnoy yurisprudentsii* [Legal Tradition as an Ideologized Concept of Western Jurisprudence]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law]. No. 12. S. 42-48.

12. Pravovye traditsii. Zhidkovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Legal Traditions. Zhidkov Readings: Materials of the International Scientific Conference]. Ed. by G.I. Muromtsev, M.V. Nemytina. 2014. Moscow.
13. Semenov Yu.I., 2003. Filosofiya istorii [Philosophy of History]. Moscow.
14. Syukiyaynen L.R., 2025. Islamskoe pravo i dialog kul'tur v sovremennom mire [Islamic Law and Dialogue of Cultures in the Modern World]. Moscow.
15. Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki: terminologicheskiy slovar' [Theory and Methodology of Historical Science: Terminological Dictionary]. Ed. by A.O. Chubar'yan. 2014. Moscow.
16. Chzhan Falyan', 2021. Yuridicheskiy yazyk i pravovaya kul'tura Kitaya i na Zapade: sravnitel'nyy analiz [Legal Language and Legal Culture of China and the West: A Comparative Analysis]. Moscow.
17. Shmeman A.D., 2017. Osnovy russkoy kul'tury. Besedy, 1970-1971 [Foundations of Russian Culture. Conversations, 1970-1971]. Moscow.
18. Berman H.J., 2000. The Western Legal Tradition in a Millennial Perspective: Past and Future. *Louisiana Law Review*. No. 60. P. 739-763.
19. Duve Th., 2018. Legal traditions: A dialogue between comparative law and comparative legal history. *Comparative Legal History*. No. 6:1, P. 15-33.
20. Gambaro A., Sacco R., 2011. Le droit de l'Occident et d'ailleurs [The law of the West and elsewhere]. Paris.
21. Glenn H.P., 2014. Legal traditions of the world: Sustainable diversity in law. Oxford University Press, USA.
22. Merryman J.H., 2018. The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Western Europe and Latin America. 4th ed., Stanford.
23. Zhang Jinfan, 2020. The History of Chinese Legal Civilization. In 2 vols., Cham.